

Гу Хуай молча поставил перед ним миску с домашней лапшой-рванкой и квашеной капустой. Сун Чжиши принялся послушно есть. Проглотив пару первых кусков, он только сейчас осознал, насколько это вкусно, и принялся уплетать за обе щеки. Парень едва оправился после тяжелой болезни, к тому же в обед маковой росинки во рту не было — голод был нешуточный.

Спешно запихивая лапшу в рот, Чжиши невнятно бормотал:

— М-м-м, как вкусно-то... объедение просто...

«Какое же счастье — получить второй шанс, — подумал он. — Больше не придется завистливо сглатывать слюну, глядя, как едят другие»

Суровость на лице Гу Хуая наконец растаяла, и он проговорил заметно мягче:

— Не торопись так, подавишься.

Слова словами, а про себя командир подумал:

«Сразу видно, натерпелся лишений на чужбине, раз забыл о всяком приличии за столом»

«Ладно, пожалуй, стоит поделиться с ним хорошими новостями»

Заговорили они почти в один голос:

— Вообще-то, я уже...

— Фух, я наелся!

— А? — Чжиши недоуменно моргнул. — Что ты уже?

— Да ничего. Добавки хочешь?

— Нет-нет, сыт по горло.

Гу Хуай так и не решился договорить. Он рассудил, что за юношей стоит еще понаблюдать. Если через пару дней этот капризный баловень вернется к былым замашкам, а он к тому времени уже пристроит его в ансамбль песни и пляски, то лишь подложит руководство свинью.

После ужина произошло событие, заставившее Гу Хуая окончательно усомниться в реальности происходящего. Высокомерный молодой господин Сун вызвался совершить «подвиг» — помыть

за собой посуду.

Произнеся это, Чжиши сам замялся и, немного смутившись, добавил:

— Там... я воду на солнце погрел, сходи ополоснись.

На весь военный городок колодец был один-единственный, да и тот в нескольких сотнях метров от их дома. Чтобы наполнить ушат до краев, у Чжиши ушло добрых полчаса. По сути, это было единственное полезное дело, с которым он сегодня справился и которым теперь мог втайне гордиться.

Подавив рой сомнений, Гу Хуай молча кивнул в знак согласия.

Чжиши, проживший с ним бок о бок не один год в прошлой жизни, прекрасно знал привычки этого человека. Мужчина ценил чистоту и порядок, и сейчас было заметно невооруженным глазом, как его настроение поползло вверх.

Ночью оба долго ворочались в постелях, не в силах сомкнуть глаз.

Гу Хуай ломал голову над странной переменой в поведении сожителя, подозревая, что тот замышляет какую-то пакость.

Сам же Чжиши пытался заново переписать черновик своей судьбы.

Признаться честно, в прошлой жизни они не ладили главным образом из-за глупого снобизма самого Чжиши. Он банально презирал своего покровителя.

Во-первых, Чжиши кичился своим честным аттестатом о среднем образовании, считая сожителя неотёсанной деревенщиной. Во-вторых, сам он вырос в провинциальном центре, в семье с богатой родословной, тогда как Гу Хуай происходил из глухой глуши. И то, что этот выскочка благодаря исторической суматохе взлетел так высоко по службе, заставляло уязвленное эго юноши бунтовать.

Но самое невыносимое крылось в другом. Окружающие полагали, будто Чжиши пригрелся под крылышком влиятельного военного, но сам-то он знал горькую правду. Гу Хуай согласился заключить с ним брачный союз мужчин и пристроить на службу лишь из-за денег: его троим младшим братьям не на что было играть свадьбы. Старейшина Сун выложил семейству Гу колоссальные по тем временам пятьсот юаней с единственным условием — сберечь его внука. Получалось, что ради денег мужчина продал свободу, став по сути примакон, а значит, стоял ступенью ниже.

К тому же Гу Хуай был значительно старше. В их паре не пахло супружескими отношениями — сожитель скорее напоминал строгого опекуна, что не могло не раздражать своенравного и

свободолюбивого юношу.

Но кто бы мог подумать, что именно этот человек окажется единственным, кто по-настоящему позаботится о нем, не считая родни? Одно дело — помогать живому ради обещанных пяти сотен, и совсем другое — взять под крыло осиротевшую семью после его гибели, забыв старые обиды. Этот благородный поступок заставил Чжиши взглянуть на своего «мужа» совсем другими глазами.

Раз уж судьба подарила ему второй шанс, он твердо решил жить с Гу Хуаем в мире и согласии. Хватит с него бессмысленных истерик и капризов. Пусть это станет его тихой благодарностью за воспитание племянника в той, утерянной жизни.

Действительно, пока не переживешь настоящую катастрофу, ума не наберешься.

Юноша лежал на спине, устремив взор на залитое чистым лунным светом окно, и мысленно корил себя за прошлую слепоту и неблагодарность.

Перед мысленным взором пестрой лентой пронеслись события минувшего дня. Возвращение из небытия, встречи со старыми знакомыми, воссоединение с суровым супругом — всё это казалось зыбким сном.

Небо даровало ему шанс все исправить. Конечно, спасти семью — первоочередной долг, но ведь должно быть что-то еще?

Постойте...

Кажется, он упустил из виду одну крайне важную деталь!

В той жизни, которую он помнил по сюжету книги, у Гу Хуая со временем появились любящая жена и дети. Теперь, когда Чжиши воскрес и уж точно сумеет избежать роковой автокатастрофы, как быть с личной жизнью его вынужденного супруга?

Зная обостренное чувство долга этого офицера, можно было не сомневаться: если Чжиши перестанет капризничать и превратится в примерного сожителя, тот ни за что не инициирует разрыв.

Если взглянуть на Гу Хуая глазами человека из будущего, глупо отрицать очевидное: этот мужчина чертовски харизматичен. Молодой, привлекательный, волевой, с блестящими перспективами — мечта, а не партия.

Да и по канону романа главного героя ждало великое будущее, богатство, преданные соратники и законные наследники. Рассудив здраво, Чжиши понял, что обязан вовремя уйти со сцены.

Сам он никогда не испытывал тяги к собственному полу, да и его сожитель был стопроцентным натуралом. Зачем продолжать эту нелепую комедию и портить человеку жизнь? Куда разумнее разойтись полюбовно и освободить место для той единственной, что предначертана ему судьбой.

«Эх, везет же некоторым, — невольно вздохнул про себя юноша. — Родился главным героем — получи и головокружительную карьеру, и семейное счастье в придачу. А ты, скромный статист, крутись как хочешь в тумане неопределенности...»

К счастью, бывшая обида на несправедливость судьбы улеглась. Он больше не захлебывался завистью к чужим успехам. Как же сильно меняется картина, стоит лишь сменить угол зрения!

Но возникла новая дилемма: под каким благовидным предлогом предложить расставание, чтобы не вызвать подозрений у окружающих и самого офицера?

Запутавшись в невеселых размышлениях, Чжиши наконец заснул.

Проснулся он поздним утром, когда солнце уже вовсю заливало комнату ярким светом. Соседняя кровать была безупречно заправлена, а вчерашняя уличная грязь на полу бесследно исчезла — Гу Хуай тщательно прибрался перед уходом.

В кастрюле на плите его ждал скромный, но сытный завтрак: бережно укутанные, еще теплые вареные сладкий картофель и яйцо.

Наскоро перекусив, ничем не занятый юноша устроился за письменным столом сожителя, разыскал чистый лист бумаги, ручку и решил набросать план на будущее. Увы, мысли разлетались, а в голове гулял ветер. С его сомнительным классовым происхождением и жесткими рамками эпохи большинство путей в бизнесе или науке были заказаны. Он долго крутил ручку в пальцах, вымарывая строчку за строчкой, пока незаметно не подошло время обеда.

Гу Хуай на обед домой не возвращался. Желудок требовательно заурчал, напоминая, что пора бы подкрепиться. Прихватив со стола стопку продовольственных талонов, Чжиши отправился в столовую военного городка.

Когда он добрался до места, обеденный час уже подходил к концу, однако подносы за раздаточным окном ломились от несъеденного. В эти голодные годы большинство семей предпочитали экономить ценные талоны и готовить дома скромную похлебку, нежели тратить на общепит.

Пожилой повар за окошком откровенно скучал. Заметив редкого гостя, он заметно оживился и крикнул:

— Чего желаете, молодой человек?

Чжиши окинул взглядом меню: тушеная стеклянная лапша с квашеной капустой, традиционная картофельная соломка на пару, заправленный раскаленным маслом острый перец соломкой и сытное рагу из тофу с овощами. Из гарниров предлагали пресные паровые булочки-момо и кашу из грубых злаков.

Выбор приличный, да только всё постное, без единого намека на мясо. С самого вчерашнего дня парень не держал во рту ничего скоромного и теперь отчаянно тосковал по сытной, жирной пище.

— Мне порцию злаковой каши, картофельную соломку на пару и тушеный тофу, — перечислил Чжиши, протягивая в окошко свой алюминиевый котелок.

— Сию минуту, обожди немного...

Чжиши придвинулся вплотную к прилавку, пристально следя за движениями половника — не дай бог у повара сработает пресловутый синдром дрожащей руки и порция окажется сиротской. Однако чем дольше он всматривался в лицо мужчины, тем отчетливее понимал, что где-то его видел.

В прошлой жизни он брезговал домашней стряпней и питался исключительно здесь, спуская талоны своего высокопоставленного супруга и порой заказывая особые ресторанные блюда. Логично, что местный персонал он знал как облупленный. Этот повар... постойте-ка.

В памяти мгновенно всплыл один любопытный слух из прошлого.

В советском Китае семидесятых общепит оставался самым хлебным местом. В эпоху тотального дефицита и жесткого нормирования, когда любой пустяк выдавали строго по талонам, кухонные работники пользовались непререкаемым авторитетом и завидным влиянием.

«Что ж, не обессудьте, мастер Фань, — цинично подумал Чжиши. — Рано или поздно на вас всё равно накатают донос за растрату. Так почему бы вам сначала не оказать мне услугу?»

Тем временем Фань Говэй с глухим стуком выставил наполненный котелок на прилавок:

— Держи свой обед.

Чжиши брезгливо ткнул пальцем в жестянку и пошел в атаку первым:

— Постойте-ка. Что за дела? Почему порция такая куцая?

Он прекрасно знал излюбленные уловки местных кухарей. Они всегда недобросовестно накладывали порции тем, кто казался покладистым или робким, чтобы к концу смены сэкономить излишки продуктов и припрятать их в свои бездонные сумки.

Фань Говэй недовольно насупился и высунулся из окошка раздачи. Стоило ему разглядеть утонченное лицо жалобщика, как по его спине пробежал ледяной пот.

«Пресвятые угодники, только не этот взбалмошный барчук!»

С трудом сохраняя на лице маску невозмутимости, повар сухо отрезал:

— Чего тебе мало? Столько же, сколько и всем. Если я каждому буду накладывать с горой, у меня котлы мигом опустеют. Хватит тут скандалить на ровном месте, парень, проходи. Следующий!

Чжиши бегло огляделся. Посетителей в зале сидело немного, но они были. К тому же с минуты на минуту должен был подойти на обед офицерский состав. Парень рассудил, что скандал под носом у начальства повару точно не нужен, и набрал в грудь побольше воздуха, собираясь закричать на всю столовую.

Перепуганный Фань Говэй мгновенно выскочил из-за перегородки и, ухватив юношу за локоть, увлек его в тень колонны подальше от чужих глаз.

— Товарищ Сун, побойся бога! Что тебе от меня нужно?

Чжиши, разумеется, не собирался сразу выкладывать свои истинные карты:

— Ничего особенного. Если уж всем положена полная порция, то почему меня обвешивают?

Повар утер выступившую на лбу испарину и попытался умаслить упрянца:

— Полно тебе. Я же вижу — паренек ты хрупкий, ешь мало. Вот и решил помочь тебе проявить сознательность, сберечь государственное зерно.

Юноша презрительно фыркнул, не купившись на эту нелепую демагогию:

— Двести граммов каши — это норма для хрупких барышень! А я, на минуточку, мужчина!

Фань Говэй сокрушенно вздохнул, признавая поражение:

— Ладно, ладно, твоя взяла. Добавлю я тебе каши, идет?

Поняв, что наживка заглотнута, Чжиши тут же остановил его:

— Постойте. Не надо каши.

— Ну и чего тебе еще надобно? — уже теряя терпение, буркнул мастер Фань.

<http://bllate.org/book/19670/1951542>